

УДК 652:94(47).084

АНТИЧНОСТЬ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРВЫХ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Е.А. Чиглинец

Аннотация

В статье на основе анализа художественной литературы и агитационных материалов первых послеоктябрьских десятилетий выявляются особенности рецепции античных персонажей, доказываемая, что её характер и направленность определялись пропагандистскими задачами советской власти.

Ключевые слова: социокультурные условия, советская пропаганда и агитация, рецепция античности, образ-символ, интерпретация, «Союз Спартака», отряды «юных Спартаков», пионерские песни.

Античность, образы древнего мира в культуре нового времени всегда служили средством самовыражения для творческих личностей и политических деятелей. Однако это самовыражение тесно зависит от социокультурных условий, в которых оно осуществляется.

Октябрьская революция перевернула сознание и судьбы людей. Первые послереволюционные годы породили в искусстве целый пласт сочинений, наполненных пафосом разрушения старого мира. Даже великий Александр Блок заражается этим пафосом (см. [1–3]). Что уж говорить о представителях так называемой пролетарской поэзии!

И метаморфоза образа Герострата на переломе 10-х и 20-х годов XX в. очень хорошо это доказывает¹. Так, в поэме А. Дорогойченко «Герострат» (см. [5]) рисуется совершенно переосмысленный образ заглавного персонажа. Поступок Герострата представляется как некое дерзание, примеру которого необходимо следовать всем борцам со старым миром. Слово «поджигатель» наполняется революционным смыслом, а старый мир и вся всемирная история сравниваются с гробницей, которую следует стереть с лица земли:

«Эй, Старуха-История!
Довольно падалью смердить.
В пекле мирового крематория –
Кто пробовал пути преградить.
Веками в бездну плыла.

¹ Впрочем, главный идеолог большевизма В.И. Ленин в качестве политического ярлыка использует совершенно традиционную коннотацию образа Герострата. Критикуя во втором издании своей книги «Развитие капитализма в России» (1908 г.) «оппортуниста» Эд. Бернштейна, поворачивающего «от марксизма к старой буржуазной экономии», Ленин называет его «геростратовски знаменитым» [4, с. 47]. Далее этот же образ повторяется неоднократно, но в послереволюционный период в работах Ленина он уже не появлялся.

Пылай, пылай, пылай –
Гробница!» [5, с. 44].

Поджигателем может стать любой крестьянин, рабочий, солдат, доведенный до предела человеческих страданий бедами, вызванными Первой мировой войной: «У, какой же дикий / Проснулся в тебе Герострат!» [5, с. 31].

Автор поэмы благословляет тот народный гнев, который разжигает революционный огонь: «Торопись! / Сжигай – не пугает смрад...»; «О, скоро весь мир подожжем – / Как свечу – / В жертву Земным Небесам!» [5, с. 27, 35]. И далее:

«О, факел Герострата,
Будь благословен
На поджог!» [5, с. 32].

Весь пафос поэмы, посвященной Октябрьской революции, выражается, конечно же, в финальных строках:

«Слава,
Слава тебе, миллиардоголовый
Поджигатель миров – Герострат!» [5, с. 45].

Рецепция античности в новое и новейшее время, и особенно в переломные исторические периоды, это всегда перетолкование, то есть интерпретация, причем в XX веке не остается никаких образов-символов, которые не подвергались бы интерпретации. Это относится и к сакральным символам. Чаще всего интерпретатор выводит своего героя из сакральной системы. И тогда изначально сакральный символ перетолковывается уже в рамках профанного пространства. Так еще с античности было с мифическими персонажами. Приведем подобный пример из советского времени. В разделе «Прометей и социализм» книги «Вековые образы» автор в 1937 году написал следующее: «Изумительное воплощение социалистического прометейства – жизнь и смерть Феликса Дзержинского» [6, с. 178].

Однако наибольший пропагандистский заряд несет в себе образ реального исторического персонажа античности – Спартака. Доказательство тому мы видим в образе Спартака, который создавался коммунистической и социал-демократической пропагандой первой трети XX в. не только в нашей стране, но и в странах Европы. В 1918 г., обращаясь в одном из своих выступлений к истории войн, В.И. Ленин упоминает Спартака как символ войны «из-за интересов угнетенных», войны «для защиты поработенного класса». Такая война называется справедливой и не может быть осуждаема (см. [7, с. 65]).

Спартак становится и одним из тех, кому среди выдающихся революционеров и общественных деятелей предполагалось поставить памятник в рамках знаменитого плана монументальной пропаганды (см. [8]).

Особо следует сказать о пласте пропагандистской литературы, вышедшей в связи с деятельностью немецких коммунистов в годы Первой мировой войны и ноябрьской революции в Германии¹.

¹ «Группа...», а затем «Союз Спартака», ставшие основой компартии Германии (см. [9; 10]), выпустили материалы, рассказывающие о целях и задачах организации. И если для Р. Люксембург античный Спартак

Яркую пропагандистскую направленность имеет одноактная пьеса Вл. Мазуркевича, изданная Политотделом 7-й Красной армии. Для автора свобода, о которой постоянно высказываются главный герой и его сторонники, связана с пролетарской революцией [17, с. 6, 8–9, 17]. И заключительный монолог Спартака выдержан в том же духе: «О как больно, как обидно умереть, не закончив своего дела. Но оно не погибло... Слушайте! Придет день, и во всем мире восстанут все угнетенные... против своих притеснителей... Они разрушат старый мир, снесут все преграды и на обломках гнилого прошлого создадут новый мир, светлый и радостный, где все люди будут равны, где будет царить свобода и братство. И я знаю, я чувствую, что мое имя не умрет. Все, кто борется за свободу, за лучшее будущее человечества, поместят на своем знамени одно только слово, и это слово будет – “Спартак”» [17, с. 22].

Претензией на художественное освоение материала можно считать опубликованную в 1921 году В.М. Волькенштейном трагедию «Спартак», которая даже была поставлена в Театре революции. Спартак и его сторонники говорят стихами, все остальные – прозой. Здесь уже полководческие амбиции Спартака доведены до абсурда, поскольку на полном серьезе автор приписывает фракийцу размышления о примере Александра Македонского:

«Все вперед его вела победа.
Вот его прямой азийский путь,
Македонца знаменитый путь» [18, с. 52].

В трагедии Волькенштейна причудливо соединяются характерные требования жанра и характерные черты современных автору революционно-пропагандистских идей. Так, соратники обращаются к Спартаку не иначе как «наш великий вождь», «знаменитый наш военачальник», «наш первый вождь», «любимый наш трибун» [18, с. 58–59, 62, 67, 80–81], но когда молодая римлянка Юлия пытается утверждать, что он – победитель Рима, подобный Ганнибалу, то ответ Спартака поражает однозначностью: «Я один из множества рабов» [18, с. 63]. При этом он осознает особую историческую роль, но не себя лично, а своего класса, вызывая у читателя и зрителя соответствующие аллюзии:

«...За нами
Тысячи и тьмы – весь этот мир
Загнанных в оковы, оскорбленных,
Новой жизни жаждущих рабов.

уже стал просто символом, знаком настолько, что она не считает нужным даже упомянуть о жившем некогда прототипе (см. [11]), то ее шведский товарищ все-таки начинает с упоминания античного героя, подчеркивая, что имя это стало весьма актуальным в годы Первой мировой войны (см. [12, S. 3]). Появление этого движения в Европе вызвало к жизни и специальные публикации, посвященные Спартаку и восстанию, связанному с его именем. Так, в Венгрии, а потом в авторском переводе и в Советской России появилась небольшая книжечка Белы Иллеша, беллетристически пересказавшего ход восстания без ссылок на источники, но с большим количеством упоминаний типа «Спартак знал...», «Спартак чувствовал...» и т. п. (см. [13]). В самой Германии даже академическая наука откликнулась популяризаторской публикацией небольшой работы Вильгельма Гартвига, в предисловии к которой издатель подчеркивает в качестве повода существования «революционной радикалистской группы» с именем Спартака (см.: [14, S. 3]), а в 1921 г. немецкий писатель-социалист Р. Леонард, участник событий 1918–1919 гг., опубликовал «Спартак-сонет» (см. об этом: [15, S. 178]). Последним отзвуком пропагандистской шумихи вокруг образа Спартака стала книжка Ф. Ридли, который посвятил ее памяти Р. Люксембург и К. Либкнехта, всего немецкого «Спартака» 1919 г. А нарисовал он картину единой системы революций от древности до нового времени и создал мысленный пантеон революционных освободителей, погибших за человечество, обозначив крайними вехами Спартака и Розу Люксембург (см. [16]).

Мы им бросили призыв свободы –
И они идут, идут за нами» [18, с. 56].

Заканчивается трагедия тоже очень общим лозунгом:

«Слава!..
Слава бойцу!
В жизни
И в смерти –
Слава!» [18, с. 141].

В отличие от трагедии Волькенштейна сочинение некоего А. Михайлова несло откровенную пропагандистскую и воспитательную окраску. Да и издавалось оно неоднократно то в серии Библиотеки пионера «Великие борцы и мятежники», то в серии «Беседы у костра». Пересказав в очень примитивном виде события восстания по Джованьоли, автор заканчивает призывом к юным революционерам: «Пионер, готовясь вступить в ряды борющегося пролетариата, помни о первом борце за освобождение угнетенных, о доблестном Спартаке. Пусть его героизм и самопожертвование будут для тебя примером!» [19, с. 41]¹.

К юношеской аудитории обращены были и многочисленные пионерские песни, пропагандировавшие традиции революционной борьбы. И здесь образ Спартака был очень популярен, поскольку первые пионерские отряды возникли именно как отряды «юных Спартаков». Одна из таких песен выглядела следующим образом:

«В Риме клич борьбы раздался
Много сотен лет назад:
Против бар народ поднялся,
Всех рабов собрал Спартак.
Прпев: Спартаки, вперед, смелее,
Наш союз непобедим.
Лозунг наш: в здоровом теле
Дух здоровый укрепим.

[...]
Если снова гром ударит,
Не боимся мы грозы.
Пусть наш враг об этом знает,
Встанут дружно Спартаки.

[...]
Эй, товарищ! Будь смелее,
К нам чего ты не идешь?
Спартак семь дружнее
Ведь нигде ты не найдешь» [21, с. 7–9].

Таким образом, античность активно использовалась большевистской пропагандой в первые десятилетия Советской власти. При этом интерпретация образов носила зачастую гиперболизированный, утрированный характер в расчете

¹ Совершенно в том же духе выдержана и брошюра для «юных Спартаков», написанная известным Харьковским антиковедом профессором Е.Г. Кагаровым (см. [20]).

на массового потребителя, мало знакомого с подлинным содержанием античной мифологии или истории.

Summary

E.A. Chiglintzev. Antiquity in Bolshevik Propaganda during the First Post-October Decades.

The article reveals specificity of antique heroes' reception basing on the analysis of fiction and agitation materials of the first post-October decades. It is stated that the features and direction of the reception were defined by propaganda tasks of the Soviet authorities.

Key words: sociocultural conditions, Soviet propaganda and agitation, antiquity reception, symbolic image, interpretation, "Spartacus Union", groups of "junior Spartacuses", pioneer songs.

Литература

1. *Чиглинцев Е.А.* Биографии античных политических деятелей в российской общественной жизни конца XIX – начала XX вв. // Античный мир и его судьбы в последние века. – М.: ИВИ РАН, 1995. – С. 81–86.
2. *Андреев Ю.В.* «Римский большевик» Катилина и философия истории А. Блока // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. – Санкт-Петербург; Псков, 1997. – С. 35–44.
3. *Чиглинцев Е.А.* «Лебединая песня революции?»: политическая актуализация античной истории в творчестве А. Блока после Октября 1917 г. // Мир историка. Историографический сб. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 95–106.
4. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 3. – С. 1–609.
5. *Дорогойченко А.* Герострат // Радость труда. Сб. стихотворений. – Саратов, 1920. – С. 25–45.
6. *Нусинов И.* Вековые образы. – М.: Худож. лит., 1937. – 352 с.
7. *Ленин В.И.* Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г. // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 37. – С. 65–70.
8. *Валовой Д.В., Валовая М.Д., Лапишина Г.Е.* Дерзновение. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 313 с.
9. *Кривогуз И.М.* «Спартак» и образование Коммунистической партии Германии. М.: Госполитиздат, 1962. – 239 с.
10. *Кулінич І.М., Кошик М.М.* Революційна діяльність німецької комуністичної групи «Спартак» на Україні (1918–1919 рр.). – Київ, 1959. – 168 с.
11. *Luxemburg Rosa.* Le programme communiste. Suivi de «Que veut l'Union de Spartacus?». – P., 1922. – 48 p.
12. *Höglund Z.* Vad vill Spartacus? – Stooockholm, 1919. – 14 S.
13. *Иллеш Б.* Спартак. – Орел, 1924. – 47 с.
14. *Hartvig W., Stelzer K.* Spartacus und der gladiatorenkrieg 73–71 v. Chr. – Leipzig, 1919. – 68 S.
15. *Jähne A.* Spartacus. Kampf der Sklaven. – B., 1986. – 192 S.
16. *Ridley F.A.* Spartacus. A study in revolutionary history. – L., 1944. – 82 p.
17. *Мазуркевич Вл.* Спартак (Восстание рабов в Риме) / Пьеса в одном действии. – Пг., 1920. – 23 с.

18. *Волькеништейн В.М.* Спартак. Трагедия. – М.: Гиз, 1921. – 142 с.
19. *Михайлов А.* Спартак. – М.; Л.: Мол. гвардия, 1924. – 42 с.
20. *Кагаров Е.Г.* Спартак, его жизнь и борьба. – Харьков, 1924. – 24 с.
21. Песня Спартаков // Пионерские песни. – М., 1924. – С. 7–9.

Поступила в редакцию
10.10.08

Чиглинец Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.

E-mail: *Evgueni.Tchiglintsev@ksu.ru*